

УДК 821.161.1

А. И. Овчинникова,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. Н. В. Макшеева

Антиномичный характер поэтики М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева

Аннотация. В статье проведен литературоведческий анализ лирики М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева в контексте изучения антиномичного языка поэтики. Рассматривается типологическая общность антиномий «земля — небо» и «сон — явь» в стихотворениях М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева.

Ключевые слова: Лермонтов, Тютчев, антиномия, романтизм, метафизика, онтология.

Поэты М. Ю. Лермонтов и Ф. И. Тютчев — яркие представители романтиков XIX в. в эпоху формирования русской «поэзии мысли». Вслед за Обществом Любомудров и А. С. Пушкиным Лермонтов и Тютчев наполнили мир своих произведений глубоким нравственно-философским и метафизическим содержанием, которое выразилось в индивидуальном антиномичном характере их поэтики.

Проблема антиномичного языка является ключом к пониманию природы мировоззренческих взглядов Лермонтова и Тютчева и приводит к главному вопросу их творчества — теме одиночества двойственной души как арены «беспредельной борьбы добра и зла» [1, с. 474] и вечного поиска истины бытия вследствие отпадения человека от Бога. Именно Лермонтов и Тютчев сильнее всего ощутили губительное положение человека между двух миров: конечным (дольным) и вечным (горним).

Антиномичный характер поэтики Лермонтова и Тютчева заключается в вечном противостоянии полярных стихий: добра и зла у Лермонтова, космоса и хаоса у Тютчева. Однако оба поэта раскрывают эти ключевые антиномии через другие, общие для их лирики: земля и небо, сон и явь, свет и тьма, шум и молчание.

Антиномия «земля и небо». В лирике Лермонтова и Тютчева оппозиция земли — неба, или дольного — горнего, занимает значительное место в определении онтологического миропонимания поэтов. Данную антиномию сопровождают лейтмотивные образы неба и звезд, дня и ночи, света и тьмы.

Как и Лермонтову, Тютчеву «присуща означенная устремленность к идеальным небесам, не-

сущим человеку утешение и надежду» [2, с. 53], однако, хотя человек рвется «жадно к небу», к познанию Божественного провидения, он «ниспасть на землю осужден» [7, с. 134].

В стихотворении «Душа хотела б быть звездой...» (1830) [7, с. 107] Тютчев изображает движение снизу вверх, при этом сопровождая его перемещением из дня в ночь. Мы видим, как душа лирического героя устремлена от «сонного» дольного мира к горнему, т. е. миру истинного смысла бытия и гармонии. Звезды обретают образ светил, которые, словно «живые», Божественные «очи», «глядят», т. е. озаряют своим чистым сиянием землю. Однако лирический герой стремится к ним днем, когда они сокрыты от людей, поглощенных земной суетой. Мы можем предположить, что Истиной является именно то, что «незримо» для нас, «сокрыто» и потому доступно лишь для того, кто жаждет этого духовного перерождения, как лирический герой Тютчева.

Невозможно не отметить в этом произведении параллель со стихотворением Лермонтова «Небо и звезды» (1831) [4, с. 197]. У Лермонтова мы отчетливо ощущаем «состояние разрыва между “дольным” и “горним”, мирским и сакральным» [2, с. 3], которое стремится преодолеть лирический герой, переживая свою оторванность от Божественной мудрости и ее непостижимость. Как и Тютчев, Лермонтов изображает звезды ясными, невинными и чистыми, как «счастье ребенка»; однако лирический герой «несчастлив», ведь над ним — «звезды и небо», а он лишь человек. Таким образом, в стихотворениях Лермонтова и Тютчева через антиномичные мотивы неба и земли раскрывается идея духовного спасения через метафизическое постижение жизни и отречение от земной суеты и страстей.

Антиномия «сон и явь». И у Лермонтова, и у Тютчева «поэзия сна» зачастую связана с идеей духовного освобождения человека, это метафизический переход его из пространства телесного мира в мир духовного прозрения.

Лирический герой Тютчева ощущает себя между двумя «мирами» на пороге «как бы двойного бытия» [7, с. 192]. При этом сон в представлении Тютчева «обладает большей реальностью, нежели действительность» [3, с. 137]. Избежать «пошлости действительности» и достичь гармонии человек может только через слияние своей души с беспредельным миром природы в состоянии сновидения.

В стихотворении «Как хорошо ты, о море ночное...» (1865) [7, с. 216] беспредельный мир видений неотделим от ключевых образов ночи и звезд, а также образа моря. Лирический герой жаждет «потопить» свою душу в этих волнах бессознательного и бескрайнего мира, чтобы освободиться от «сковывающей упорядоченности дневного бытия» [6, с. 21]. Этот мир сновидения является живым для поэта, что выражается в олицетворении моря («ходит, и дышит, и блещет оно», «волны несутся, гремя и сверкая»). Тем не менее лирический герой глубоко переживает одиночество и потеряность, потому что он «...находится под властью времени и стремится... влиться в вечное время природы...» [3, с. 139]. Таким образом, сон ощущается Тютчевым как истинная реальность, так как именно он раскрывает всё тайное, сокрытое в человеке днем.

Сон у Лермонтова, как и в лирике Тютчева, соотносится с состоянием метафизического познания человеком мира и себя и постижения Божествен-

ной истины. Например, в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» (1841) [4, с. 356] лирический герой переживает сон как конец земной жизни, обретение гармонии и покоя, духовное рождение. Сновидение для лирического героя Лермонтова — это жизнь свободной души, познавшей Божественный смысл бытия, слившийся с вечностью природы («Надо мной чтоб *вечно зеленея* / Темный дуб *склонялся и шумел*»). Поэтому в стихотворении стираются границы времени («навек», «вечно», «всю ночь», «весь день») и пространства («пустыня вне-лет Богу», «дорога», «небеса»).

Можно сделать вывод, что мотив сновидения в поэтике Лермонтова и Тютчева противопоставляется земной суетной жизни и связан с духовным слиянием с природой и постижением высшего смысла бытия. Именно во сне раскрывается вся полнота жизни и происходит «уход в прекрасное, соединение с беспредельным» [5, с. 111].

Несмотря на искреннее желание лирических героев слиться с этой вечностью, они всегда остаются «на грани сна и яви, покоя и бури» [3, с. 133], обреченные видеть «образы бездушные людей» «как будто бы сквозь сон» [4, с. 311] и «ниспасть на землю», лишь коснувшись «высоты заветной» [7, с. 134]. Именно это противоречие человеческого существования порождает глубокое чувство одиночества лирического героя и трагического мироощущения поэтов-романтиков.

Сопоставление типологических особенностей антиномичного языка поэтики Лермонтова и Тютчева дает нам понимание мировоззренческих основ романтического сознания поэтов и более глубокий материал для изучения проблематики их творчества.

1. Гуревич А. М., Коровин В. И. Романтизм и реализм // Лермонтовская энциклопедия. — М. : Сов. энцикл., 1981. — С. 474–477.

2. Евчук О. П. Религиозно-философские контексты поэзии М. Ю. Лермонтова : моногр. — Омск : Вариант-Омск, 2012. — 120 с.

3. Изотова Е. С. Мотивный комплекс «сон — бессонница» в лирике Ф. И. Тютчева // Культура и текст. — 2005. — № 8. — С. 132–140.

4. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1 : Стихотворения. 1828–1841 / гл. ред. И. С. Чистова. — СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2014. — 776 с.

5. Либерман А. Лермонтов и Тютчев // Михаил Лермонтов, 1814–1989. — Нортфилд (Вермонт) : Максима, 1992. — С. 99–116.

6. Петрова И. В. Мир, общество, человек в лирике Тютчева // Ф. И. Тютчев : в 2 кн. — М. : Наука, 1988. — Кн. I. — С. 13–69.

7. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. Н. Я. Берковского ; сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. — Л. : Сов. писатель, 1987. — 448 с.